

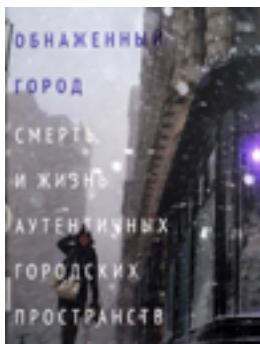
НЕОЧЕВИДНОЕ САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

Николай Петрович Проценко

независимый исследователь, экономический обозреватель изданий Eurasia Daily, «Нефть и капитал», «Взгляд.ру», переводчик книг Иммануила Валлерстайна, Дэвида Харви, Анатолия Ливена (Краснодар, Россия)
e-mail: npr79@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору двух недавно опубликованных в России работ, поднимающих вопросы экологии среды в ее экономическом и социально-политическом аспектах. Рассматривается специфика интеллектуального анализа долгосрочных эффектов Парижского соглашения по климату 2016 г., предпринятого в монографии «Где приземлиться? Опыт политической ориентации» французским социологом и философом Бруно Латуром. Ученый ставит под сомнение проект модернизации, определявший главный вектор мирового развития в течение последних нескольких столетий. В монографии «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств» американского урбаниста Шарон Зукин рассматривается трансформация городских пространств Нью-Йорка в 1990–2000-х гг. в контексте представления о постмодернизме как стратегии гибкого накопления капитала и коммодификации общественных благ. Книга социолога отсылает как к известным культурным событиям последних десятилетий, так и к интеллектуальным открытиям постмодернистских философов, в равной степени точно прогнозировавшим изменения среды типичного современного мегаполиса.

Ключевые слова: джентрификация, постмодернизм, аутентичность, неолиберализм, гибкое накопление капитала, экология, климатическая политика.

Практически свежая (оригинал был опубликован в 2017 г.) книга французского философа и социолога Бруно Латура имеет все шансы на то, чтобы стать настольной, а то и культовой у экологических активистов, – слишком уж на слуху темы, которые в ней рассматриваются. Написанная сразу же после того, как Дональд Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату, книга Латура может быть прочитана прежде всего как яростный антитрампистский памфлет, автор которого не жалеет эпитетов в адрес американского президента, лишь за малым не называя его фашистом. Однако за этим энвайронменталистским пасквилем хорошо просматривается знакомый политэкономический сюжет – обострение борьбы внутри ядра глобального капитализма, на очередном этапе которой «борьба за экологию» стала определять новые правила игры в мировом масштабе. С этой точки зрения, книгу Латура можно рассматривать как очередное напоминание о том, что привилегированный доступ в «цивилизованный мир» – на сей раз это некое светлое будущее без углеводородов – открыт далеко не всем. Тот же мотив легко прослеживается и в нашумевшем выступлении в ООН шведской экоактивистки Греты Тунберг.

Бруно Латур, безусловно, один из самых пронизательных мыслителей наших дней. В своей новой книге он убедительно объясняет, почему в Парижском соглашении по

климату (к которому Россия присоединилась в 2016 г., а недавно приняла его решением правительства вместо ратификации парламентом) климат – это лишь метафора чего-то иного. Контуры этого иного Латур описывает так:

«Это событие [подписание Парижского соглашения] важно потому, что все подписавшие конвенцию страны, аплодируя достигнутому соглашению, которое казалось невероятным, в тот же самый момент с ужасом поняли, что если бы они решительно двинулись к осуществлению запланированных каждой из них модернизационных проектов, то обнаружили бы отсутствие совместимой с этими проектами планеты. Им потребовалось бы несколько планет, но у них есть только одна» [Латур: 17–18].

Этот фрагмент представляется ключевым для книги Латура, поскольку в нем ставится под принципиальное сомнение та историческая схема, которая преобладала в западном мышлении на протяжении чуть ли не двухсот последних лет, по меньшей мере с того момента, как Маркс в предисловии к «Капиталу» написал о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [Маркс, Энгельс: 9]. Тем самым Маркс фактически сформулировал общее место всех дальнейших теорий модернизации: все страны проходят в своем

развитии примерно один и тот же путь, и отставание одной страны от другой может быть преодолено или по крайней мере сокращено. Теории модернизации видоизменялись и конкурировали между собой, но их авторы в любом случае отвечали на вопрос о том, что должна предпринять та или иная страна, чтобы вырваться из ловушки отсталости.

После того, как попытки модернизировать страны третьего мира потерпели ряд фиаско – вместо пресловутого «прорыва» они получили лишь еще большую зависимость от западных центров накопления капитала, – доверие к этим доктринам было подорвано. Еще в середине 1970-х гг. Иммануил Валлерстайн написал статью с провокационным по тем временам названием «Модернизация, покойся с миром» [Wallerstein: 106–111]. В ней Валлерстайн показал, что предлагавшиеся на тот момент способы решения проблемы неравномерного развития в глобальном масштабе бессмысленны просто потому, что капитализм по своей природе и есть неравномерное развитие. Следовательно, давал понять Валлерстайн, эта проблема может быть решена только в том случае, если будет ликвидирован капитализм – полвека назад такие надежды еще имели право на существование.

Латур, на первый взгляд, исходит из той же логики, что и Валлерстайн, – его мысль преодолевает границы государств и выходит на мир-системный уровень. Точнее, Латур

стремительно проскакивает его, перемещаясь в некое трансцендентное миру измерение – отсюда и название его книги «Негде приземлиться»:

«Если нет планеты, земли, почвы, территории, где мог бы расположиться Глобус глобализации, к которому устремлены все страны, значит, никому, ни одному человеку не дано отныне места, где он мог бы с уверенностью чувствовать себя “дома”... Все мы чувствуем, что земля уходит у нас из-под ног, и это углубляет наше смятение. Мы осознаем, пусть в той или иной степени смутно, что сами находимся в процессе миграции к территориям, которые нам предстоит заново открыть и обжить» [Латур: 18].

Этот посыл предопределяет и гневные пассажи Латура в адрес Трампа, а заодно и Брексита:

«Та самая страна, которая навязала миру – и как беспощадно! – свою, очень специфическую, модель глобализации, а некогда возникла в результате массовой эмиграции, уничтожившей ее коренное население, теперь доверила свою судьбу человеку, обещающему превратить ее в крепость, куда будет запрещен въезд беженцам, и больше не приходиться на помощь никому за пределами своего клочка земли, продолжая в то же время беспардонно вмешиваться тут и там в чужие дела. Эта новаяявленная забота о границах со стороны тех, кто проповедовал их систематическое стирание, сама по себе наводит

на мысль о конце поднятого было на щит представления о глобализации. Две из величайших стран бывшего “свободного мира” [т. е. США и Великобритания] говорят другим: “Отныне наша история не имеет ничего общего с вашей. Идите к черту!”» [Латур: 15].

Именно здесь нужно вернуться к первой цитате из книги Латура – той самой, где речь идет о скрытом смысле Парижского соглашения. Очевидно, что потенциальный отказ от модернизационных проектов будет иметь для разных стран совершенно разную цену. Одно дело – член G7 Франция, где была подписана новая всемирная климатическая конвенция, и совсем другое дело – какой-нибудь Эквадор и другие страны с похожим уровнем развития, для которых за последние несколько десятилетий так и не нашлось иных реалистичных источников средств на модернизационные проекты, помимо продажи нефти, априори попадающей под подозрение в рамках Парижского соглашения.

Пример Эквадора в данном случае совершенно показателен. Совсем недавно в этой стране произошли массовые акции протеста после того, как ее президент Ленин Морено отменил субсидии на горючее, чтобы получить дополнительные средства бюджета на стимулирование сельского хозяйства. В этом решении эквадорского президента с говорящим именем легко увидеть происки «мировой закулисы» – незадолго до этого власти

Эквадора решили вновь прибегнуть к помощи МВФ, а заодно и напрочь разругались с Венесуэлой, еще недавно своим главным союзником. Однако ситуация приобретает совершенно иной контекст, если вспомнить, что при предыдущем президенте Эквадора Рафаэле Корреа эта страна столь же отчаянно нуждалась в деньгах на модернизационные проекты наподобие строительства электростанций и дорог, и взять их было неоткуда, кроме продажи нефти. На помощь тут же пришли китайцы, успешно взявшиеся за «стройки века», за которые Эквадору пришлось расплачиваться, естественно, нефтью. Круг замкнулся: как ни крути, нефть – всему голова, что бы там ни придумали авторы Парижского соглашения.

Разумеется, перед нами совершенно типовой пример: таких стран, как Эквадор, в мире десятки, и даже если они не являются экспортерами нефти, в производимых ими товарах наверняка найдется жирный «углеродный след». Задумывался ли о незавидной судьбе этих стран Латур? На первый взгляд, да: «шквальный рост неравенства» для него явление того же порядка, что и, скажем, нарастание миграционных процессов в глобальном масштабе и попытка элит – в наиболее злостном виде в лице Трампа – оспорить саму необходимость «нового климатического режима». Но – додумаем до конца мысль Латура – что в действительности произойдет, если все страны, которые присоединились

к Парижскому соглашению, заморозят свои модернизационные проекты? Очевидно, что одновременно будет зафиксирован и тот уровень разрыва, который уже сложился между центром и периферией мир-системы. Столь же очевиден и ответ на вопрос о том, кто выиграет от такого сценария.

Наверное, это крайне циничная логика – утверждать, что искренняя обида Латура на Трампа связана с тем, что США, выйдя из Парижского соглашения, создают себе дополнительные преимущества в глобальной экономике. Но объективно ситуация выглядит именно так: вопреки всем заявлениям о наступлении «зеленой» энергетики, трамповская Америка впервые с начала 1970-х гг. вернула себе статус крупнейшего в мире нефтедобытчика и последовательно реализует планы экспансии на газовом рынке Европы. Правда, эти события остались уже за временным горизонтом книги Бруно Латура – равно как и захлестнувшие Францию протесты «желтых жилетов», исходным пунктом которых стало повышение цен на горючее в связи с введением дополнительных «экологических» сборов.

«Сегодняшнее всеобщее положение заключается в том, чтобы жить на руинах модернизации, робко ища место для жизни», – пишет Латур в конце своей книги, несомненно, лукавя, ведь всего несколькими строками выше он противопоставляет «старую добрую» Европу остальному миру:

«Европа бездушна?! Как плохо вы ее знаете! Она говорит на дюжинах языков, а благодаря наводнившим ее беженцам – даже на тысячах. Она включает в себя сотни разных экосистем. Повсюду, в каждой складке земли, в каждом закоулке она хранит следы конфликтов, которые связали каждого из ее жителей с другими. У нее есть города – и какие города! Архипелаг великолепных городов – вот что такое Европа... Европа опробовала все достоинства и развела все пределы суверенитета. Она много веков назад вкусила хлеб демократии. Она слишком мала, чтобы считать себя миром, и слишком велика, чтобы низводить себя до клочка земли... Еще одно преимущество Европы обусловлено ее же пороками: она распространила экономику по всей планете, но сумела избежать необратимого отравления ею сама. Экономизация, как и модернизация, – это экспортируемый по всему свету яд, от которого европейцы сумели защитить себя искусными противоядиями» [Латур: 180–181].

Фактически Латур воспроизводит – вероятно, даже не задумываясь об этом, – формулу того извода теорий модернизации, который сложился после распада СССР и соцлагеря, а именно *The West and the Rest* (Запад и все остальные). Трамповская Америка из нее, по всей видимости, исключена – тем больше поводов для Европы заявить о своей исключительности в пику исключительности американской. Прочти следующий пассаж Хайдеггер, он, при всем своем пре-

зрении к французской философии, скорее всего, одобрил бы такую постановку проблемы:

«Европа возвращается на курс своей исторической судьбы. Она вознамерилась стать всем миром. Она совершила попытку самоубийства, потом еще одну. Обе попытки не удались. Недавно Европа решила укрыться от истории, спрятавшись под американским зонтом. Теперь этот моральный и ядерный зонт сложен. Европа одинока и беззащитна. Ей самое время вернуться в историю, уже не мечтая подчинить ее себе» [Латур: 182].

Любопытно, что книга Латура вышла совсем незадолго до того, как Грета Тунберг приплыла в Нью-Йорк на корабле, чтобы прочесть пламенную речь о том, как у нее украли детство. Об этом выступлении сразу же было написано столько, что довольно сложно найти неизбитый ракурс для комментария. Однако комментариив, по большому счету, и не требуется, если оценить сказанное уроженкой страны победившего среднего класса с точки зрения, скажем, эквадорских индейцев, вышедших на улицы после повышения цен на горючее, или бангладешских крестьян, работающих за чашку риса, или, если взять более близкие реалии, того самого среднеазиатского мигранта-полиглота, работающего в Москве доставщиком еды. Просто попытайтесь осознать, что среднестатистическое современное состоя-

ние человечества – это вовсе не представительница «золотого миллиарда» Грета Тунберг, а именно эти люди, и типичный мировой мегаполис – это не Нью-Йорк, Токио или хотя бы Москва, а Карачи, Дакка и Лагос.

Джентрификация без права на город

Имя американской урбанистки и социолога Шарон Зукин практически неизвестно в России, и я, вероятно, прошел бы мимо ее книги, если бы не ее название. «Обнаженный город» (“Naked City”) – название нашумевшего (во всех смыслах) проекта саксофониста Джона Зорна, с которого я в свое время открыл для себя творчество этого легендарного музыканта, а заодно и всю ту волну нью-йоркской музыки, которая называется downtown – слово столь же многогранное, как и звучание коллективов этой волны. В свою очередь, Зорн (а затем и Зукин) ссылаются этим названием на знаменитый нуар 1948 г. режиссера Жюля Дассена, отца знаменитого французского исполнителя Джо Дассена. В дальнейшем этот фильм незримо присутствовал и в других культовых картинах, одним из главных героев которых оказывается Нью-Йорк, например, в таких манифестах «нового Голливуда» 1970-х гг., как «Французский связной» Уильяма Фридкина и «Таксист» Мартина Скорсезе.

Зорн и Зукин обращаются к «Обнаженному городу» в совершенно разные периоды новой истории Нью-Йорка – в конце 1980-х

и в конце 2000-х гг., и этот контраст оказался для меня главным внутренним сюжетом книги. Джон Зорн создал свой «Обнаженный город» в момент, когда в музыке «расцветали все цветы», и этот его проект оказался одним из самых громких манифестов музыкального постмодернизма, запоминающимся прежде всего бесконечным разнообразием стилей – от кантри до грайндкора. У Зорна еще впереди его самый, наверное, знаменитый проект Masada и движение «Радикальная еврейская культура», расцвет нью-йоркского клуба Topic, собравшего под своей крышей таких героев downtown music, как Марк Рибо, Джон Медески, Дженнифер Чарльз, Сиро Батиста и многие другие фигуры, попадающие под определение «широко известные в узком кругу». Приобщенность к этому кругу – наглядная иллюстрация того, что такое культурный капитал: два человека, слушающих Джона Зорна, Марка Рибо и остальных, с очень высокой долей вероятности будут находиться где-то рядом в социальном пространстве.

Но не прошло и двух десятилетий с момента оглушительного успеха зорновского «Обнаженного города», как неузнаваемо изменилась сама среда, которая стала питательной для этой музыки. «Похоже, в Нижнем Манхэттене творится что-то невероятное. Там, где была забегаловка, разместилось представительство BMW» [Зукин: 81], – этот фрагмент из статьи в New York Times от 30

мая 2007 г. Шарон Зукин берет эпиграфом для самой, наверное, впечатляющей главы своей книги – о последствиях джентрификации в богемном нью-йоркском районе Ист-Виллидж. «Обнаженный город» Зукин – это город, в котором наступающий финансовый капитал срывает облачения капитала культурного, оставляя за собой единообразное пространство «плоского мира». Картина, знакомая, конечно же, не только по Нью-Йорку. Как написал Марк Алмонд под одним из юношеских фото в своих мемуарах, если в начале восьмидесятых в клубе Барселона можно было реально нарваться на нож, то теперь здесь просто обычное гламурное заведение.

Для Зукин фильм «Обнаженный город» становится точкой отсчета, мерилем аутентичности городской среды – мерилем принципиального качества любого мегаполиса:

«Весьма реалистичный для своего времени, особенно благодаря натурным съемкам, “Обнаженный город” противопоставляет грубую мощь нью-йоркских небоскребов культурной витальности его улиц и повседневной жизни людей, что работают в маленьких магазинчиках и закусточных, водят такси, убирают в офисах и раскрывают преступления. “В обнаженном городе – восемь миллионов историй”, – произносит голос за кадром знаменитую фразу. Но он точно так же мог сказать: именно эти истории, эти здания и эти улицы создают аутентичный город нашего времени.

Сегодня этот черно-белый фильм уже не кажется столь незыблемым и аутентичным, как в 1948 году. За несколько последних лет города стали местом массового переустройства, бульдозеры сноят старые здания, гигантские экскаваторы роют дыры в земле, чтобы другие огромные машины смогли заложить новый фундамент, а подъемные краны, как булавки, понатыканы тут и там. Однако с 2008 года мировой экономический кризис приостановил работу финансового оружия массового строительства. Больше, чем временный бум на рынке жилой недвижимости, который подпитывал глобальную экономическую экспансию, этот кризис успокоил волны корней и новых начал, которые постоянно намывало на городские берега, – волны экономического роста, иммиграции и, ближе к нашему времени, джентрификации.

Перед самым кризисом ньюйоркцы жаловались, что разочаровались в своем городе. Слишком много любимых достопримечательностей исчезло, а им на смену пришли безликие башни. Район за районом терял свой малый размер и локальную идентичность. Люди, которые, как казалось, были здесь всегда, – арендаторы, мамы и владельцы лавочек, целые популяции художников, рабочих и цветных, – все куда-то пропало. Вместо них мы видим джентрификаторов, коктейль-бары, Starbucks и H&M. Хотя реалисты отмахивались от этих жалоб как от банальной ностальгии и говорили, что города постоянно меняются, циники же, часто оказывающиеся главными идеалистами – любителями городов, настаивали, что Нью-Йорк утратил свою «аутентичность». Город, говорили они, потерял свою душу.

Я – в числе этих ньюйоркцев. И хотя меня еще не постигло разочарование, я уже испытываю отвращение при виде того, как город превратился из дожившего до наших дней неуклюжего гиганта в гладкую, мягкую, и более дорогую копию прежнего самого себя. Я вижу в этом не постепенный или пусть неизбежный процесс оживления, но сознательный, целенаправленный процесс разрушения, начавшийся в 1980-е годы и с тех пор только набиравший силу. Я не называю свое отвращение ностальгией. Я не тоскую по уличной преступности и торговле героином или по покрытым граффити вагонам метро. Я не думаю, что бедные арендаторы обязаны всю свою жизнь прожить в старомодных квартирах с ваннами на кухне, потому что собственник не хочет делать им отдельную ванную комнату. Но я скучаю по виду и духу тех районов, чье разнообразие громко заявляло о себе запахами и звуками этнической кухни, галереями экспериментального искусства и концертными площадками, лицами и голосами людей, которые прибыли отовсюду, чтобы придать свой, особый колорит улицам» [Зукин: 7].

Этот длинный пассаж в начале книги Зукин, из которого не выбросить ни слова, задает все основные темы книги, а заодно и служит напоминанием о том, что похожая судьба постигла не только Нью-Йорк: процессы джентрификации затронули и многие другие глобальные мегаполисы, а вслед за ними и города поменьше, вынужденные встраиваться в этот тренд. «Как только узнал, что в Ростов

приедет этот мундиаль, прости господи, посоветовал всем своим знакомым: выйдите на улицы, попрощайтесь с родным городом. Снимайте на память, потом вы ничего не узнаете!» [Номерков, Максимова] – эта фраза из интервью известного ростовского дизайнера Сергея Номеркова хорошо отражает суть того, о чем пишет Зукин: джентрификация подгоняет городские пространства под усредненный стандарт, и в результате различия между совершенно разными городами мира – по крайней мере в их центральных частях – постепенно стираются, города теряют свою аутентичность.

Сама по себе эта идея, разумеется, не нова. Еще в 1989 г. американский географ, урбанист и социолог Дэвид Харви – давний друг Шарон Зукин – писал в своей книге «Состояние постмодерна»:

«Характерные особенности постмодернистского благоустройства и джентрификации часто предполагают почти такую же серийную монотонность, как и в модернизме, на смену которому эти процессы должны были прийти. В краткосрочной перспективе переход от плановых механизмов к рыночным может временно соединять разные функциональные назначения в интересные конфигурации, однако скорость процессов джентрификации и однотипность их результатов предполагают, что во многих случаях эта краткосрочная перспектива в действительности оказывается слишком краткосрочной. Рыночное и основанное на земельной рен-

те распределение функций подобным образом уже трансформировало многие городские ландшафты в новые образцы ортодоксии. Например, популизм свободного рынка помещает средние слои в закрытые и защищенные пространства торговых центров и атриумов, однако ничего не дает бедным, помимо выдворения их в новый, совершенно кошмарный постмодернистский пейзаж бездомности» [Harvey: 77].

В свое время «Состояние постмодерна» Дэвида Харви получило далеко не такую известность, как одноименная книга Жана-Франсуа Лиотара или «Постмодернизм как культурная логика позднего капитализма» Фредерика Джеймисона, однако сегодня становится понятно, что среди всех исследователей, пытавшихся очертить теоретические контуры постмодерна, ближе всех к сути этого явления подошел именно Харви. Постмодернизм для него, как и для Джеймисона, также неразрывно связан с логикой капитализма, однако Харви выходит далеко за пределы собственно культуры, видя в постмодернизме явление новой, объемлющей практически все сферы социума капиталистической парадигмы – гибкого накопления, отрицающего и одновременно развивающего предшествующий ему «фордистский модернизм».

И Харви, и Зукин с разницей в два десятилетия обращаются к знаменитой книге Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших

американских городов» с ее уничижительной критикой градостроительства «высокого модернизма», которое Джекобс обвиняла в «великой скверне серости». Однако постмодернистская «урбанина», пришедшая на смену модернистской урбанистике, привела, в сущности, к тем же визуальным результатам – унифицированным пространствам глобальных городов – при совершенно иных последствиях для пространства социального. Если послевоенная реконструкция городов в соответствии с модернистскими идеями так или иначе воплощала демократизацию и эгалитаризацию, то переход к постмодернизму был сопряжен с обратными процессами – нарастанием неравенства как внутри отдельных обществ, так и в глобальном масштабе. На уровне больших городов – важнейшего пространства, в котором развернулась постмодернистская парадигма, – это привело к утрате права на город теми, кто, используя российскую формулировку 1990-х гг., «не вписался в рынок».

Так постмодерн демонстрирует свое кровное родство с неолиберализмом, предполагающим, что право на существование имеет лишь то, что является или может стать рынком. Все когда-то общественные блага, в том числе городские пространства, втягиваясь в рыночную логику, теряют и свое прежнее социальное содержание – применительно к городу ту самую аутентичность. В книге Зукин этот процесс рассмотрен на примерах

нескольких районов Нью-Йорка – Бруклина, Гарлема, Ист-Виллидж. Во всех случаях механизм утраты аутентичности был примерно одним и тем же: как только район попадает в поле зрения финансового капитала, в нем сразу же начинают расти цены на недвижимость, что разрушительно действует на те сообщества, которые складывались там на протяжении десятилетий. На их месте в полном соответствии с популярной теорией «изобретения традиции» рано или поздно складывается некая новая аутентичность, активно культивируемая в СМИ, однако она вряд ли окажется устойчивой – механизмы моды действуют в городском пространстве так же, как и в области массовых вкусов. Роль города в истории, несомненно, заключалась именно в том, чтобы выступать плавильным котлом для самых разных локализмов, но делает ли свободным дух постмодернистского города – большой вопрос. Шарон Зукин, скорее, склонна к отрицательному ответу на него:

«Я по-прежнему вижу эти районы в Бруклине, Бронксе и Квинсе, где бывшие ирландские, еврейские и итальянские торговые улочки стали мультиэтническим лоскутным одеялом из китайцев, русских, латиноамериканцев и пакистанцев. Район художников в Сохо, контркультурная площадка Ист-Виллидж и зона инди-рока в Уильямсбурге переехали в более дешевые кварталы подальше от Манхэттена. Гарлем поднялся и стал более расово интегрированным. Но историческое разнообразие

города, который каждый использовал на свой манер, местную специфику, магазинчики, проживавших бок о бок богачей, бедняков и людей среднего достатка – все это погребла под собой волна новых роскошных апартаментов и сетевых магазинов. Глобальные инвестиционные компании скупили тысячи дешевых домов и готовы повысить ренту или распродать квартиры, выселив более старых и более бедных жильцов. Плодородный городской терруар культурного творчества разрушается показательной демонстрацией богатства и силы, типичной для частных застройщиков и государственных чиновников, которые строят для богачей и надеются, что блага просочатся вниз беднякам, работой СМИ, которые превращают идентичность района в бренд, и вкусами новых городских средних классов, которых сперва привлекает такая идентичность и которые затем сами же ее и уничтожают. Эти силы перестройки уже сгладили неровные слои асфальта и глянца, смели следы исторических баталий и поставили под сомнение представление о том, что бедные тоже имеют право жить и работать здесь – все то, что и делало этот город аутентичным.

Переустройство публичных пространств, начавшееся в 1980-е годы, несет на себе признаки таких же гомогенизирующих сил редевелопмента. Как и площадь на месте бывшего Всемирного торгового центра, которая отчасти является местом скорби, а отчасти – спектаклем массового потребления, эти пространства финансируются за счет частных средств и сосредоточены на наших главных заботах после 2001 года: шопинге и безопасности. В общественных парках под управлением частных

фирм, занимающихся озеленением и благоустройством, и в торговых зонах под управлением территориальных ассоциаций бизнеса теперь можно наслаждаться более чистыми улицами и большей общественной безопасностью. Но за этот комфорт приходится платить большую цену, ведь он зависит от тех сил, которые нам уже не подконтрольны – ассоциаций частного бизнеса, полицейской бюрократии и охранных компаний, – что сигнализирует о нашей готовности отказаться от своей непокорной демократии. И это еще один пример того, как город утрачивает свою душу» [Зукин: 8].

Литература

Зукин, Ш. *Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

Латур, Б. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. Пер. с фр. А. Шестакова; науч. ред. О. Бычкова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Маркс, К., Энгельс, Ф. *Сочинения*. Издание второе. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.

Номерков, С., Максимова, Е. «Когда узнал про этот ваш мундиаль, сказал знакомым: выйдите попрощайтесь с Ростовом» [Электронный ресурс], 2016. URL: [http:// https://nationmagazine.ru/places/kogda-uznal-pro-etot-vash-mundial-skazal-znakomym-vyydite-poproshchaytes-s-rostovom](http://nationmagazine.ru/places/kogda-uznal-pro-etot-vash-mundial-skazal-znakomym-vyydite-poproshchaytes-s-rostovom) (дата обращения: 26.04.2019).

Harvey, D. (1990). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Massachusetts: Blackwell Publishers.

Wallerstein, I. (2000). Modernization: Requiescat in Pace. *Essential Wallerstein*. N.Y.: The New Press, 106–111.

References

Harvey, D. (1990). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Massachusetts: Blackwell Publishers.

Latour, B. (2019). *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime* (A. Shestakov, Trans.). Saint-Petersburg: European University Publishing house in Saint-Petersburg.

Marx, K., Engels, F. (1960). *Works*. Second edition. Vol. 23. Moscow: Politizdat.

Nomerkov, S., Maksimova, E. (2016). “*When I learned about Mundial, I said to friends: go say goodbye to Rostov*”. Retrieved from: <http://nationmagazine.ru/places/kogda-uznal-pro-etot-vash-mundial-skazal-znakomym-vyydite-poproshchaytes-s-rostovom> (date of access: 26.10.2019)

Wallerstein, I. (2000). Modernization: Requiescat in Pace. *Essential Wallerstein*. N.Y.: The New Press, 106–111.

Zukin, S. (2019). *Obnazhennyj gorod: smert' i zhizn' autentichnyh gorodskih prostranstv* [Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.

THE NON-OBVIOUS SELF-EXPOSURE OF POLITICAL ECOLOGY

Nikolay P. Protsenko, independent scholar, translator, and economist columnist at Eurasia Daily, Oil and Capital, Vzglyad.ru, Krasnodar, Russia; e-mail: npr79@yandex.ru

Abstract. The article reviews two recently published works in Russian translation, which raise environmental issues in its economic and socio-political aspects. Intellectual analysis of the long-term effects of the Paris climate agreement (2016) is undertaken in the monograph written by French sociologist and philosopher Bruno Latour. The scholar calls into question the modernization project, which determined the main vector of world development over the past few centuries. The monograph by American urbanist Sharon Zukin examines the transformation of New York City's urban spaces in the 1990s–2000s in the context of postmodernism as a strategy of flexible capital accumulation and commodification of public goods. The sociologist's book refers both to the famous cultural events of recent decades and to the intellectual discoveries of postmodern philosophers, who equally accurately predicted changes in the environment of a typical modern metropolis.

Keywords: gentrification, postmodernism, authenticity, neoliberalism, flexible capital accumulation, ecology, climatic policy.

